

Сергей Четверухин

Достопримечательности

Варя Млинарич не была миллионершей. И семья ее не принадлежала к числу городской знати. Романтический союз стоматолога и городского чиновника сумел построить для дочери низкий фундамент самостоятельной жизни – однокомнатную квартиру на втором этаже блочного дома по проспекту Шевченко. И родственников из числа американской буржуазии Варя не имела. Ей вообще в жизни не хватало родных людей. Хотя круг общения ее был чрезвычайно широк. Каждый день к Варе Млинарич приходили незнакомые люди и просили у нее деньги. Эти люди не выглядели как вокзальные попрошайки, от которых тянет мазутом и прокисшим алкоголем. Некоторые просители благоухали дорогим парфюмом. Они были прилично одеты и производили впечатление начитанных знатоков чего-то, что в лекциях для дошкольников обобщается одним словом – Прекрасное. Короче, они были культурны. На двери, за которой Варя проводила значительную часть своего рабочего дня, тоже темнела древняя табличка из пластика со словом «культура». Городской комитет управления культурой, так называлось это учреждение.

Городской комитет управления культурой! Порой Варя сама вздрагивала от нелепости этого словосочетания. Что за анахронизм? Кульбит в каменный век! Каждый школьник знает, что культура больше не управляема. Ее можно только поддерживать, подставляя ей жилетку для влажных жалоб и утирать платком протекший нос. Зачем это надо и кому – загадка сфинкса. Но, как дождь, снег, роды, коррупция и многие явления в жизни, это существует без нашего ведома и – все.

Варя, будучи девушкой современной, часто задавалась вопросом, на что она тратит свои молодые годы. Каждый день, проведенный в комитете, казался ей слишком длинным, неуклюжим, непохожим на радостный вдох, о котором она что-то читала в стихах романтиков прошлого. Но, во-первых, после окончания филфака идти на работу в школу совсем не хотелось. Украинский язык она не любила и преподавать его не хотела. Во-вторых, повлиял папа. Папа Вари уже двадцать лет служил заместителем директора комитета по управлению культурой. Нет, они никогда не обсуждали вечерами на кухне династийную преемственность, но какой из отцов, насидев теплое местечко, не поделится насестом с любимой дочерью? И, наконец, в-третьих. Варя любила и надеялась. Любила она Одессу, свой родной город. Любила его в блеске архитектурных шедевров и шедевров кулинарных, любила ореол южной столицы, который всходил над городом каждый курортный сезон. И просто так, дворики, скамейки, платаны, чугунные оградки и лениво перелезающих через них кошек – любила. А еще она любила его язвы – руины и помойки, обветшалые фасады аристократичных особняков, чудом держащиеся на высоте балконы, неприглядности и нелепости, любила их, как прокаженного родственника, которого необходимо вылечить и выходить. Варя надеялась, что однажды ей представится случай что-нибудь сделать для Одессы. И она ни за что его не упустит. Но для этого надо каждый день погружать себя в унылую рабочую рутину и не терять бдительность. Надо быть настороже, чтобы разглядеть этот случай, когда он вдруг явится – суетно, неожиданно и внезапно.

День, когда Варе Млинаруч показалось, что ее надеждам вот-вот суждено сбыться, она начала, как обычно с отказов. Ребята из самодеятельного театра эксцентрики пришли просить деньги. Сами они называли себя гордо: арт-группировка «Варенье».

– Почему «Варенье»? – строго сдвинула брови Варя, чтобы хоть немного сделать похожим на разговор короткий обмен репликами, исход которого был известен ей заранее.

– Потому что как театр мы вышли из музыкальной группы Jam, – Зорик, самый рьяный из посетителей, облокотился на стол. – Нам необходима финансовая помощь.

– Поймите, бюджеты у нас крошечные. Они распределены еще в конце прошлого года среди заслуженных коллективов. Ансамбль народного танца, трио бандуристов, фокусники. Ребята, увы... – Варя привычно развела руками. У нее действительно не было свободных денег. Вдобавок ей не понравился агрессивно облокотившийся на стол Зорик. «Пижон», – определила она его для себя. Из тех типов, что нарочно доводят девушку до того, что она от души начинает шипеть: «Ну ты и сволочь!». И все для того, чтобы затем встать в плейбойскую позу и самодовольно отчеканить: «Еще какая!».

– Как же так?! – возмутились молодые актеры-эксцентрики. – Сколько можно жить прошлым?! Городу нужны новые имена! Бренды! Новые «Маски-шоу» нужны Одессе! Помогите! Нам всего-то – арендовать съемочное оборудование, отснять несколько сценок, а там – найдутся меценаты, телевидение подтянется. Заживем!

– А откуда такая уверенность, что новые «Маски-шоу» – именно вы? – Млинарич провокационно прищурилась. – Каждый может кричать, что он – гений. Предъявите доказательства!

– Вот вам доказательства! – Зорик стукнул по столу ноутбуком. – Бюрократы неверующие!

Он быстро отыскал нужный ролик в ютьюбе. Перед Варей развернулось уличное представление сродни тому, что ежедневно происходит на Привозе или на Новом Базаре.

– Купите святую землю! Купите землю! – приставали к прохожим на экране странные персонажи в вычурных одеждах.

– Паломники мы! – голосила древняя старуха в лохмотьях, раскорячившись на полтротуара, закручивая вихри широким подолом. – Землицу привезли из Ерусалима!

– Любопытно! – сказала Варя, досмотрев минутное видео. – Но неоднозначно. Стеб, постмодерн, провокация, издевательство над согражданами, наконец... Не вчерашний ли это день в искусстве? Хочется чего-то нового...

– Чего изволите? – саркастически скривился Зорик.

– Искренности, например.

– Смешно ведь... – нерешительно вставила Рая, одна из двух девушек в коллективе.

– А катарсис где? Смешно уже мало. Надо, чтобы смешно, а потом – в слезы, и прозрение чтобы под конец, чтобы – очищение, понимаете?

– Не читайте нам учебник! – буркнул насупившийся Зорик. – Не хотите денег дать, так и скажите!

– Да не могу я, ребята... – Варя вздохнула. – А старуха у вас яркая. Ты играла? – она посмотрела на Раю.

– Он, – Рая кивнула на Зорика.

– Ты?! Старуху?! Гениально... почти. – Варя не сдержалась, на секунду окунув Зорика в масляный от нахлынувшей влюбленности взгляд. Тут же смутилась и решила слегка охладить молодого актера. – Простите, как вас зовут?

– Зорик. Я ведь уже представлялся.

– Хороший ты актер, Зорик. Но... Простите, ребята, денег не дам. Ну нет у меня для вас денег.

А ближе к вечеру Варя Млинарич приняла звонок из Москвы. Звонили из офиса одного телевизионного канала, входящего в государственный холдинг, и потому имевшего возможность вальяжно не задумываться о рейтингах. Звонкоголосая девушка, редактор программы о путешествиях, деловитой скороговоркой выложила Варе информацию о своей передаче и попросила содействовать в одесских съемках.

– Вообще-то, мы все про ваш город знаем. Дюк там, лестница, дом с одной стеной, Привоз, Аркадия, что у вас еще... – редакторша на секунду замолчала, переводя дыхание, и Варя воспользовалась паузой.

– Вам чего-нибудь особенного хочется, так ведь?

– Точно! Важно отойти от туристических проспектов, избежать банальностей, отвлечься от образа, известного всем. Изюм нам нужен. Понимаете?

– Понимаю. Как же без изюма? – Варе вдруг послышались в собственном голосе тягучие «московские» интонации, почти такие, как у девушки-редакторши. Она внутренне одернулась – негоже одесситке-филологу так стелиться перед иностранцами.

– Ну? Поможете? – девушка на том конце куда-то торопилась, как все москвички.

– Поможем, – пообещала Варя. – С изюмом у нас порядок. Новые клубы, дворик искусств на Пушкинской, баня на Молдаванке, в которой убили последнего криминального авторитета...

– Не то, не то все... Было, было, и это тоже было... – эхом отзывается редакторша.

– ...Пляж на Ланжероне, где пел юный Ободзинский, а его друзья шмонали карманы слушателей, Бутылочный Скрипач, Актриса, Америка Заметает...

– Стоп! – резкий окрик на том конце прервал убаюкивающий ритм. – Скрипач? Америка? Заметает? Что это? Новые памятники?

– Это не что, а кто, – Варя приободрилась. С детства ее любимым занятием было рассказывать многочисленным приезжим родственникам и просто туристам о том, что в Одессе есть, а нигде больше – нет. Она с рождения вместе с морским воздухом впитала, что живет в особенном городе, а все жители других городов земли втайне ей завидуют и мечтают стать одесситами. Пока этот горделивый зуд был главной компенсацией за унылые часы, проведенные молодой девушкой в скучных конторских стенах.

– Это наши, так сказать, городские сумасшедшие. Да вы не пугайтесь, они только так называются. Милые пожилые люди, абсолютно безобидные. Зато – колоритные. Я лично считаю, в этих чудачках – душа города. Читали мемуары Утесова? Он там описывает одного. С восторгом, между прочим. Вот, слушайте! – и Варя по памяти прочла абзац из книги Утесова «Моя Одесса»: «...Одесский городской голова – не голова. Городской сумасшедший Марьяшес – голова. Марьяшеса знают все. Он своеобразная гордость Одессы – высокий человек с надменно поднятой головой».

Потом Варя еще что-то говорила горячо и убедительно. Достоинство никто не отменял, но и впечатление произвести хотелось. Наконец редакторша перебила ее:

– Убедили. Годится. Снимаем ваших городских сумасшедших. Организуете их?

– Обязательно организуем, – Варя с трудом сдерживала радость. – Они управляемые, послушные, никто не откажется.

– Я в вас верю, Варвара! – голос редакторши в трубке зазвучал доверительно. – Вы не беспокойтесь, мы ваши услуги оплатим. По ставке администратора, допустим, – редакторша выдержала паузу,

и не услышав возражений, продолжила: – Съемочная группа прилетит послезавтра. Ведущий Федор Фирсов и два оператора. Останутся в отеле «Фраполли» на Дерибасовской. На съемки у них выделены два полных световых дня. Я вас очень прошу, не подведите!

– Не подведу! – мысленно Варя вскинула руку в скаутском салюте.

Весь следующий день она разыскивала по городу обещанные москвичам достопримечательности. Четыре раза проехала на трамваях от Соборной площади до улицы Пантелеймоновской. Именно на этом маршруте чаще всего появлялась «Америка», забавная старушка, которая обстоятельно рассказывала пассажирам городского транспорта о том, что «Америка замечает следы...», призывала: «Люди, объединяйтесь!». Сколько раз еще студенткой Варя, прыгнув в трамвай, чтобы проехать пару остановок от института до кафе «Бублик», подвергалась атаке активной старушечки.

«Послушайте! Никогда не верьте Америке!» – грозила костлявым пальцем та, чьего имени никто не знал, потому что никто никогда и не спрашивал, как ее зовут. Варя зашла в трамвай в пятый раз, но снова не встретила никого, похожего на колоритную старуху.

По Екатерининской улице Варя бродила вверх и вниз, от площади до перекрестка с Большой Арнаутской, расспрашивая дворников, толстых усатых торговков семечками, людей со складными сидениями, что пополняли желающим телефонные счета, – когда в последний раз видели они Бутылочного Скрипача? Кто-то махал на девушку руками, кто-то пожимал плечами устало и корчил недоуменную гримасу. Одна тетка в ватнике и перчатках с отрезанными кончиками пальцев сказала, что в последний раз видела Скрипача два месяца назад, и было это на Ланжероне, и не играл уже он куском арматуры на пустой бутылке, а только прислушивался к чужому свисту и улыбался беззубо, но строго и торжественно, как прежде.

Стемнело, Одесса затихла, схлынули прохожие. Впервые улицы родного города показались Варе Млинарнич неуютными

и пустыми. Вернувшись домой, она наспех проглотила тарелку куриного бульона и уселась с телефоном под зеленым абажуром настольной лампы. Уставшая и оглошшая, Варя принялась обзванивать знакомых. Вдруг выяснилось, что никто, совсем никто – от девчонок-однокурсниц до двоюродного дедушки соседки Фимы Якова Моисеевича Крейсера – давно уже не видел ни одного из тех чудаков, которых Варя отрекомендовала редакторше из Москвы душой города. Боря-Тряпочка, Яник-Сделай-Паровозик, Актриса, Пляжный Баянист, все они будто сговорились и разом эмигрировали из Одессы. Или отбыли в долгий гастрольный тур. Чаще всего в ответ на свой вопрос Варя слышала удивленное: «А что, они еще живы?». И лишь практичный Яков Моисеевич дал дельный совет: «Ты в больницы позвони. Там они свои головы лечат, скорее всего».

Обзванивать больницы показалось Вале делом совсем грустным и непристойным. Ведь не навещать же с подарками и фруктами она задумала тех, кого раньше редко замечала, привыкнув и считая их частью городского пейзажа, как скамейки, платаны или чугунные ограды. А сейчас, когда у нее возникло к ним дело, оказалось, что их больше нет или они неизвестно где. И никто о них ничего не знает.

Ночью Варя ворочалась, вздыхала и чувствовала, как в темноте глубокая морщина озабоченности кромсает ее чистый девичий лоб. Судьба своего обещания московской редакторше заботила ее – и судьба пропавших людей тоже. А что заботило больше, она думать боялась. Совсем некрасиво будет, если сотрудник одесского комитета по управлению культурой подведет московское телевидение. Что тогда скажут об одесситах в России? И так ругают за вздутые летом цены на жилье. А если все эти люди умерли? Жалко как! А если болеют? Еще жальче. Мучаются там по больницам, бедные, кто им поможет?

Проворочавшись до рассвета, Варя встала, включила компьютер, нашла в Интернете сайт арт-группировки «Варенье» и позвонила по указанному телефону.

- Варя? Какая Варя? – отозвался сонный голос Зорика.
- Из комитета... – начала было Варя, но Зорик перебил:
- А-а-а... Культура! С утра пораньше деньги завелись?

– Ну... Почти.

– С деньгами не бывает «почти». Если деньги есть – несите. А так – не морочьте голову артисту! Я принимаю после обеда на Преображенской, 14, квартира рядом с лестницей во дворе.

Очевидно, после телефонного разговора Зорик снова уснул, потому что когда Варя в половине второго позвонила в квартиру рядом с лестницей во дворе дома четырнадцать по улице Преображенской, дверь ей открыло лохматое опухшее существо. Угадать в нем одухотворенные черты знаменитого в будущем артиста можно было, лишь имея хорошую фантазию и доброе отношение к людям. Приветственно промычав на одной ноте, Зорик кивком позвал Варю вовнутрь и пошлепал босыми ногами в кухню. Кухня Зорика не выглядела богемной. Скорее, она напоминала чулан спившегося бухгалтера. По столу, усыпанному хлебными крошками, наперегонки носились крупные рыжие тараканы, весело щекоча друг друга усами. На стене, закрашенной снизу и до середины облупившейся зеленой краской, висел календарь на позапрошлый год и деревянные счеты.

– А счеты зачем? – Варя осторожно прикоснулась к шершавым костяшкам, давно потерявшим цвет.

– Память о бабушке, – голос Зорика спросонья не был грубым и осипшим, как у взрослых мужиков, а писклявым, как у капризного ребенка. Он отвернулся к раковине и долго сморкался в нее.

– Вот, – Варя осторожно положила на кухонный стол почтовый конверт с изображением ледокола «Красин».

– Бабка рассказывала, что когда она служила, дотации самодеятельным театрам иногда выдавали спиртом. Она билетершей в Русском театре того... – пояснил Зорик и покосился на конверт, размер которого отнюдь не внушал потребительских надежд.

– Это не дотация. Это гонорар за работу. От меня лично.

– Корпоратив? Вести или номера работать? Какая публика? Клерки? Насосы? Хомячки?

– Кто?

– Хомячки. Ну, начальство, типа, управляющие... Но не владельцы. Те – бобры. Кто ваш заказчик?

– Москвичи...

– Для москвичей – дороже.

– Сядь, – Варя справилась с растерянностью и постаралась вернуть начальственный тон. – Нет. Сначала налей мне чай, предложи печенье, а потом сядь. Слушай меня. Это – московское телевидение...

И она, почти не сбиваясь, рассказала Зорику о городских сумасшедших, съемками которых она завлекла в Одессу группу российского телевидения.

– Это нужно для города, понимаешь? Нужно Одессу чем-то славить в мире. Хотя бы в ближайшем зарубежье...

– Печенья нет, – Зорик достал из холодильника батон, отломил кусок и жестом предложил Варя. Она отрицательно помотала головой. – Поддержим традицию! Создадим городу новые достопримечательности.

– На вас вся надежда.

– Так кого играть?

– Придумай, – Варя пожала плечами. – Ты же талант. Кто мне говорил про будущих «Маски-шоу»? Доказывай.

Два часа спустя в квартире Зорика бушевал торнадо – помесь военного совета и оргии на руинах пивного ларька. Искали образ будущей городской достопримечательности. «Неужели они всегда так репетируют?!» – Варя в ужасе прикрывала глаза, чтобы не видеть, как парни и девушки раздеваются догола, бегают по квартире, не стесняясь друг друга, будто не замечая, что партнеры – другого пола. Кто-то примеривал больничный халат, комбинируя его с крагами и матросской бескозыркой. Стоп! Не кто-то, а Лазик этим занимался. В этот раз Варя была внимательной и быстро запомнила имена всех участников самодеятельной труппы. Лазик искал образ, отталкиваясь от костюма. Он перемерял на себя все, что нашел в кладовках и чуланах квартиры Зорика.

– Бабку при Хрущеве перевели из билетеров в костюмеры, – пояснил хозяин жилища.

– Хрущев-то тут при чем? – поинтересовалась Варя.

– Бывшего костюмера посадили. То ли за симпатии к Сталину, то ли за гомосексуализм.

Сочная девушка Рая искала образ при помощи всего, чем можно рисовать на человеческой коже. Косметика, овощи, карандаши, фрукты, краски, уголь, школьный мел – все шло в дело. «Женщина-клякса? Слоеный Коктейль? Радужный Вамп?» – Рая бормотала себе в тонкие еврейские усики определения приходящих в голову типажей, покручивая акварельной кисточкой набухший сосок.

– А если Гармошка-Шапокляк? – Складовская, невысокая блондинка с тонкой шеей, требовавшая, чтобы все к ней обращались по фамилии, начала жонглировать пятью дамскими шляпками так, что все они летали из руки в руку по траектории разудалых гармошечных мехов.

– Это уже цирк, – возразил Зорик. – Нам нужно что-то простое, житейское, но необычное... Да?

– Глубокое и трогающее за душу, – уточнила Варя.

– Чтобы чуть выделялось, но вызывало доверие и чувство сопричастности.

– Катарсис посреди улицы в будний день, – резюмировал Валик, пятый участник арт-группировки. Он пока отрабатывал пластические этюды – ходил по комнате гусем, изображал танец, стоя на коленях, вставал на руки, делал колесо, только мелочь в карманах звенела.

– Старуха у вас была хороша... – Варя вспомнила видео, которое смотрела в своем кабинете.

– А что вообще делают городские сумасшедшие? Давайте оттолкнемся от внутренней мотивации, – Складовская умничала, не переставая жонглировать.

– Деньги просят.

– В этом мы на них похожи.

– Но делают это неожиданными способами.

– Давайте наденем черные чулки на головы и выйдем на улицу. И тепло – и деньги сразу дадут.

– Не просят они деньги! – Зорик прервал ученый диспут. – Они... – он прищурился, задумавшись. – Они навязывают миру себя. Какое-то свое уникальное качество. Свое мнение. А миру это кажется забавным, наверное...

– Почему сразу «навязывают»? – Варя обиделась за «душу города».

– А как еще назвать, когда бабка в трамвае пристает к тебе со своей «Америкой»? Нет бы сказку прочитала или пересказала свежие новости...

– Вот! – Лазик щелкнул пальцами. – Это оно!

– Что?

– Старуха сказочница с новостями.

– Старуха со сказочными новостями?

– Сказка про новости со старухой?

– Ходячий CNN постпенсионного возраста.

– Неплохо...

– Отлично!

– Что скажешь, культура? – Зорик прищурился в сторону Млинарич.

– Мне нравится, – Варя решительно кивнула.

– Значит, делаем старуху, – резюмировал Зорик. – Я делаю. А вы пока отдыхайте, – он отвесил глубокий поклон своей артистической банде. Ответом было групповое подмигивание.

* * *

Московский рейс задержали на два часа. Это стало причиной десятиминутной сцены на стоянке в аэропорту. Залетные телевизионщики размахивали руками и громко голосили. Ругали авиакомпанию, погоду, таможенников и лично стюардессу Марину, по их мнению, перешедшую за последние три часа из разряда млекопитающих в парнокопытные. И только ведущий Федор нетрезво уточнял: «Я не согласен: она не коза! Она – стрекоза! Не спорьте со мной! Такого жужжания весь полет я никогда не слышал! Типажная девушка!». Но глаза его оставались грустны.

Как и положено, сначала поехали заселяться в гостиницу. Затем устроили обед в кабачке «Печескаго» в Городском саду. И только после того как гости города немного освоились и осовели от выпитого, Варя повела их обещанным экскурсионным маршрутом. Вела неторопливо, по дороге делая широкие жесты направо и налево, как в народных танцах. Показывала дома, арки, дворы, рассказывала вкратце, как Менделеев преподавал

в Ришельевском лицее, а Куприн – во-о-н там, за углом, – пил пиво с летчиком Уточкин.

На живописную старуху наткнулись, когда пересекали Ланжероновскую. Она стояла, наклонившись, напротив магазина «Обжора» и чудила, сметая в узоры своими многочисленными цыганскими юбками семечную шелуху с мостовой. Седые космы закрывали половину ее лица, морщины, как рубцы, делали видимую сторону непроглядной для мимолетного взгляда. Но тот, кто сумел бы всмотреться в нее, сразу попадал под гипноз огромного стеклянного глаза, которым старуха водила по сторонам и казалось, что протез не просто смотрит в мир, а исследует его, улавливая самую суть.

– Тс-с-с! – Варя сделала знак, о котором они с Федором условились заранее. – Вон она. Бабка-Сказка. Снимайте осторожнее, чтобы не заметила. Она журналистов на дух не выносит. Говорит, что журналисты – проклятие для истории. Подходите к ней один и ни в коем случае не давайте деньги. Обидится смертельно! Возьмите! – она вытащила из петлицы своего пиджака бутон георгина и протянула Федору. – Отдайте цветок. Это ей нравится.

Телеведущий осторожно приблизился к старушке и протянул ей георгин. Та не сразу взяла подарок. Долго разглядывала ужасным стеклянным протезом высокого Федора, нависшего над ней. Наконец обведенный густой красной помадой рот ее зашевелился.

– Ты ведь один в семье, – голос старухи звучал глухо, но отчетливо. – И работал с детства. Школа, музыкальная школа, репетиторы, курсы, институт... Это все работа, любезный. Тебе некогда было бродить по веселым дорожкам. Так ты и не стал героем. Не спас принцессу. А ведь она всегда была рядом и хотела, чтобы ее спасли. И друга-помощника у тебя до сих пор нет. И волшебного оружия ты ни от кого не получил. Зачем бы его тебе дали, если ты принцессу спасать не собирался? А животное, с которым можно поговорить, ты когда-нибудь кормил с руки?

– Хм, позвольте... – смущенно откашлялся Федор. – Не обо мне речь. Я слышал, вы мастерица сказки рассказывать. Может, что-нибудь...

– А я и рассказываю, – перебила старуха, грозно сверкнув стеклянным глазом. – Про тебя. Считай, это – главная сказка. А ведь

если не расскажу, то так и прогорбатишься на своей работе до смерти и не узнаешь, кто ты есть на свете – Кашей, Ванька, Горбунок или Гриб-Лесовик на всякий случай.

– Бабушка! А можно не обо мне? Я себя каждый день в зеркале вижу! Честное слово – ничего о себе знать не хочу!

– Трусишка, – бабка затряслась в чахоточном смехе. – Глупый маленький трусишка. Это тебе первая новость. А вот и вторая: надо было просить у Маринки-стюардессы телефон. Она ведь на твою принцессу исключительно похожа. Ну ничего! Так всегда и бывало. В гости к Сказке приходили маленькие трусишки, а уходили...

Старуха не успела договорить. Внезапно раздался свист, визг и звон стекла, будто кто-то сбросил из окна десять хрустальных сервизов разом. Не успела Варя оглянуться, как со всех сторон вокруг них заметались странные существа, похожие на людей, попавших в карнавальное рабство. Было в них еще что-то неопределимое, но общее, отчего у Вари в голове возникло слово из голливудских триллеров – «Они».

Они появились внезапно, неизвестно откуда – то ли из арки соседнего двора, то ли из окна первого этажа дома напротив. Их было четверо или пятеро, сосчитать не удавалось, потому что они все время передвигались, кружась в танце, захватывая прохожих в свой стремительный водоворот. Один был длинный, будто на ходулях, в клетчатом пальто, от спины которого отрывались и уходили вверх два размашистых черных крыла. Долговязый работал ими, будто и вправду собирался взлететь, но получалось, что вместо этого он колотил массивными опахалами из плотной черной материи всех, кто имел неосторожность оказаться рядом. Под крыло попали оба оператора российского телеканала. Они принялись уворачиваться, забыв на время ловить картинку в видеоискателях. А балерина умудрялась всякий раз проскакать прямо под огромной черной лопастью. Невысокая, затянутая в белые одежды, в которых выходят на сцену Мариинского театра, с лицом, окунутым в белила, балерина прыгала на пуантах по бульжной мостовой, обтанцовывая прочие фигуры. Третьим, кого заметила Млинарич, был казак-матрос. То есть лицо его выглядело по-казацки – картофельный нос над огромными

свисающими ниже ключиц пегими усами. А одет он почему-то был в матросскую тельняшку, клеши и бескозырку. Брезентовая плащ-палатка довершала этот мурашечный образ, который затеял парный танец посреди улицы с пожарным – четвертым персонажем этого неожиданного карнавала. Пока Варя отвлекалась на балерину, ущипнувшую ее за лодыжку, пожарный с матросом растянули плащ-палатку, усадили на нее Бабку-Сказку и понеслись огромными прыжками в сторону Приморского бульвара, раскачивая в такт импровизированные носилки. Все представление заняло не больше минуты. Оцепеневшие зрители пытались шевелиться и заглядывать в глаза друг другу, чтобы там, возможно, прочитать ответ на свой немой вопрос: «Что, черт возьми, это было?!». Ведущий Федор, привыкнув комментировать в эфире любую ситуацию, прочищал горло и разминал ладони, готовясь изречь нечто осмысленное и авторитетное. Он развернулся к оператору, бросив натренированный годами взгляд туда, где должен был ловить каждое его движение объектив камеры, и не увидел ничего. Тишину, в которой происходила пантомима, разрушил истеричный вопль одного из операторов:

– Камеры! Камеры где? Ведическая сила!

* * *

Прибывшие милиционеры слушали потерпевших с лицами слишком серьезными, чтобы сомневаться в глумливости мыслей, скрывавшихся за их выражениями. Московские телевизионщики, перебивая друг друга, описали Бабку-Сказку, известную городскую сумасшедшую Одессы, казака-матроса, балерину и черного ангела в клетчатом пальто на ходулях. И только Варя Млинарич молчала, переживая нешуточную внутреннюю драму. Одна часть ее требовала немедленно рассказать все милиционерам. Другая материла последними словами Зорика и его «Варенье», но умоляла не сдавать артистов, дать им возможность как-то поправить ситуацию. Несколько раз Варя набирала телефон Зорика, но слышала в ответ, что абонент недоступен. Один раз она вздрогнула, густо покраснела и чуть не призналась во всем. Тогда старший лейтенант вполне официально заметил:

– Ничего не путаете, граждане? Бабка-Сказка? В Одессе не считается такая городская сумасшедшая. Актриса есть, Бутылочный Скрипач, Америка... А Бабки-Сказки нет.

– Да что вы знаете про Одессу! – в сердцах бросил ему Федор, который к тому времени уже уловил несколько сдерживаемых смешков и догадался, что сам вместе со съемочной группой стал забавным аттракционом для местных стражей порядка.

– Они ничего не найдут. Им это вообще не надо, – зашептал он, склонившись, на ухо Млинарич. – Есть тут у вас городское телевидение? Надо срочно объявить в эфире вознаграждение! Пусть так! Так лучше, чем никак! У нас в запасе чуть больше суток... Поймите, мы не можем потерять это оборудование, никак не можем, – Федор был бледен и решителен.

– Хорошо. – Сказала Варя, стараясь не обронить ни одного лишнего слова.

Она отвезла Федора на местное телевидение. Тот быстро договорился с коллегами. И уже через час объявление о вознаграждении бегущей строкой пошло в одесский телеэфир. А еще через час Варе позвонил Зорик.

– Только вот никаких сальто-мортале! – его голос звучал в трубке прерывисто. – Меня интересует лишь театроведческий подход. Это было зрелищно?

– Фугас тебе в задницу! – устало ответила Варя. – Вот это было бы зрелищно.

– Ага! Значит вам понравилось! Я на это рассчитывал! Не беспокойтесь ни о чем. Мы не мазурики. Поите-кормите москвичей в Аркадии. Рекомендую форшмак в «Даче» и борщи с фасолью в «Бернардацци». Пусть отдыхают. Завтра вечером у них все будет обратно, и они еще захотят долго вас благодарить. И, кстати... оцени нашу заботу. Ничего тебе не сказали, потому что не хотели делать соучастницей.

Почему-то слова Зорика не вызвали у Вари Млинарич ни удивления, ни сомнений.

На следующий вечер в ресторан гостиницы «Фраполли» двое рабочих в зеленых комбинезонах внесли огромную картонную

коробку. На боку ее красовалась надпись маркером: «Одесский марафет. Не кантовать! Загрызет».

– Для москвичей из четыреста первого номера, – сообщили рабочие консьержу. – Расписываться не надо.

Когда Федор и два его оператора распаковали коробку, там обнаружили обе пропавшие телекамеры, банка черничного варенья и записка. Синим карандашом по клетчатому листку бумаги было выведено:

«Мы нашли ваши камеры, как вы и просили по телевизору. Если вы не поцы, обещанное вознаграждение передайте, пожалуйста, в городскую клиническую больницу номер 1, палата 6 и палата 17.

Р. С.: Да, чуть не забыл. Ваш сюжет на жестком диске камеры. Все как заказывали. Командировка удалась? Приезжайте к нам еще!»

Операторы бросились нажимать кнопки. И через минуту ведущий Федор уже мог наблюдать на встроенном в камеру мониторе живописнейшую старуху, рассказывающую враскачку что-то волшебное, витиеватое, почти былинное, а местами – и ужасное, с кровавым подкладом. В такие моменты правое веко старухи резко приподнималось, и в зрителя грозно уставлялся стеклянный глазной протез. Фонари Ланжероновской отражались в нем.

Неделю спустя после драматичного заезда московских телевизионщиков Варя Млинарич мелкой пилкой шлифовала ногти в своем рабочем кабинете в городском комитете по управлению культурой. Час назад у нее состоялся приятный разговор с редакторшей российского телевидения. Та восторженно благодарила за организацию съемок блестящего сюжета и обещала прислать в Одессу еще несколько съемочных групп.

– В вашем городе так много интересного! Артистичный у вас город! Вы звоните, как что-то новое появится.

– Непременно позвоню, – отвечала Варя, с удовольствием прислушиваясь к своему голосу в трубке. Спокойному, уверенному, без растянутых гласных.

В дверь постучали. Просунулся толстый седой охранник с поста внизу.

– Млинарич? Тут вам пакет передали.

– Кто?

– А я откуда знаю? Сказали: «Расписываться не нужно».

Варя вскрыла бумажный пакет размером с большую косметичку. Внутри была флешка, банка брусничного варенья и записка. Варя всмотрелась в строчки, выведенные синим карандашом по клетчатому листку бумаги:

«Культура, привет! Спасибо за дотацию вольным художникам! А говорила – не можешь... Верить надо в свои силы. Спасибо твоим московским друзьям, на их камеры мы за сутки сняли все, что хотели. И посылаем тебе, товарищ, флешку за порядковым номером 1. Жуй варенье, не обляпайся!»

Варя вставила флешку в компьютер и с улыбкой уставилась в экран, на котором забегали в комичных ситуациях знакомые актеры. «Будущие «Маски-шоу»? Вряд ли... – подумала Варя, показав язык экрану. – А вот поработаю-ка еще лет двадцать на этом месте и, глядишь, придут другие за деньгами и начнут доказывать, что они – будущая группа «Варенье».

Варя открыла присланную банку. Казенный кабинет наполнился волнующим запахом брусничного варенья.

Москва

